

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МОРФОЛОГИИ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Якубова Мунаввар Исмаиловна

*Преподаватель кафедры русского языка
и литературы Самаркандского государственного
педагогического института*

Пардаева Мадина

*Студентка 3 курса Самаркандского
государственного педагогического института*

Аннотация. В статье исследуется характер взаимодействия морфологического и словообразовательного уровней в системе современного русского языка. Рассматривается роль морфемы как межуровневой единицы, анализируются механизмы формирования грамматических категорий в процессе деривации. Особое внимание уделяется адаптации неологизмов и влиянию словообразовательной структуры слова на его морфологическую парадигму. Работа демонстрирует, что словообразование и морфология находятся в состоянии динамического синтеза, обеспечивающего гибкость и устойчивость языковой системы.

Ключевые слова: морфология, словообразование, морфема, деривация, грамматические категории, межуровневые связи, неологизмы, парадигма.

Abstract. The article investigates the nature of interaction between morphological and word-formative levels in the system of the modern Russian language. The role of the morpheme as an inter-level unit is considered, and the mechanisms of forming grammatical categories in the process of derivation are analyzed. Special attention is paid to the adaptation of neologisms and the influence of the word-formative structure of a word on its morphological paradigm. The work demonstrates that word formation and morphology are in a state of dynamic synthesis, ensuring the flexibility and stability of the language system.

Keywords: morphology, word formation, morpheme, derivation, grammatical categories, inter-level connections, neologisms, paradigm.

Вопрос о системной организации языка и характере связей между его структурными уровнями является одной из фундаментальных проблем теоретического языкознания. Традиционно лингвистика стремилась к четкой стратификации, где каждый ярус — фонетический, морфемный, морфологический, лексический и синтаксический — рассматривался как относительно автономная область со своим набором единиц и правил. Однако по

мере развития системного подхода стало очевидно, что наиболее значимые языковые процессы происходят именно «на стыках» этих уровней. Взаимодействие морфологии и словообразования представляет собой уникальный тип межуровневого синтеза, при котором рождение новой лексической единицы и её грамматическое оформление сливаются в единый творческий акт. Истоки научного интереса к этой проблеме восходят к трудам И. А. Бодуэна де Куртенэ и представителей Казанской лингвистической школы. Именно Бодуэн де Куртенэ ввел понятие морфемы как минимальной значимой единицы, обладающей психологической реальностью. В его концепции морфема выступает как «живой атом» языка, в котором неразрывно связаны семантика и грамматика. С этого момента морфема начинает рассматриваться как связующее звено: словообразование использует её для создания новых смыслов, а морфология — для выражения грамматических отношений¹. Это межуровневое положение морфемы предопределяет «диффузность» границ между разделами языкознания. Виноградов подчеркивал, что слово не существует в языке вне своей грамматической формы. Любой акт словопроизводства — это не просто добавление суффикса к корню, это встраивание новой единицы в жесткую сетку морфологических категорий. Лингвист рассматривал словообразование как «грамматическое учение о слове», указывая на то, что структура производного слова диктует его морфологическую судьбу. Например, прибавление суффикса -тель не просто называет деятеля, оно мгновенно приписывает слову мужской род, второе склонение и категорию одушевленности. Здесь мы видим прямую детерминацию: словообразовательный формант выступает в роли архитектора, создающего каркас, который морфология затем заполняет парадигмой окончаний.

Механизмы взаимодействия уровней особенно ярко проявляются в процессе формирования частеречной принадлежности. В классической работе Е. С. Кубряковой «Типы языковых значений» обосновывается концепция «категориального значения». Часть речи рассматривается не как статичная полка в словаре, а как результат когнитивной операции. Когда мы переводим признак («красивый») в категорию предмета («красота»), мы используем словообразовательный аппарат суффиксации. Этот акт деривации полностью меняет морфологический статус единицы. Прилагательное теряет категории рода и степеней сравнения, приобретая неизменный род и падежную парадигму существительного. Взаимодействие уровней здесь носит характер

¹ Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 201.

«перекодирования»: словообразование меняет код лексемы, а морфология адаптирует этот код для работы в синтаксисе².

Не менее важным теоретическим аспектом является морфонология — дисциплина, изучающая использование фонологических средств в морфологических и словообразовательных целях. Морфонология — это «служанка» двух господ. Чередования согласных (типа к/ч, г/ж), усечения основ и интерфиксация являются внешними сигналами межуровневого диалога. Когда при образовании глагола от существительного происходит чередование в корне, это служит для носителя языка маркером того, что слово перешло из одного грамматического класса в другой. Без этих фономорфологических изменений структура слова была бы менее прозрачной, а границы между морфемами — менее устойчивыми. Морфонология «сваривает» лексический и грамматический уровни в монолитную единицу.

Особого внимания заслуживает проблема зон синкретизма, где граница между словоизменением (морфологией) и словообразованием становится прозрачной. Опираясь на труды А. В. Бондарко о функционально-семантических полях, можно выделить категории, стоящие на грани уровней. Такова категория вида в славянских языках. Формирование видовой пары (типа делать — сделать) происходит с помощью приставок и суффиксов, что традиционно относится к словообразованию. Однако регулярность и обязательность этих изменений сближают их с морфологическим словоизменением. Этот «пограничный» статус вида доказывает, что в системе языка существуют области, где деривация и грамматика работают как единый механизм, обеспечивая точность передачи аспектуальных смыслов³.

Взаимодействие уровней также проявляется в понятии «словообразовательной парадигмы». Если морфологическая парадигма обеспечивает изменение одного слова, то словообразовательная парадигма объединяет группу родственных слов, связанных общим корнем и системой аффиксов. Эти две парадигмы находятся в отношениях взаимодополняемости. Структура словообразовательного гнезда напрямую влияет на то, какие морфологические формы будут доступны для производных слов. Например, слова, входящие в гнездо со значением собирательности, часто лишаются морфологической категории числа. Словообразовательная семантика здесь накладывает вето на грамматические возможности слова. Взаимодействие морфологии и словообразования обусловлено фундаментальным законом экономии языковых средств. Язык не создает отдельные механизмы для каждой

² Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. — М.: Наука, 1981. — С. 45.

³ Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. — СПб.: Наука, 2005. — С. 210.

функции; он использует морфему как многофункциональный инструмент. Деривация обеспечивает номинативную гибкость, позволяя называть бесконечное множество явлений, а морфология обеспечивает системную устойчивость, упаковывая эти названия в ограниченный набор грамматических классов. Этот баланс между инновацией и традицией, между созданием нового и сохранением старого, является двигателем эволюции языка. Изучение межуровневого взаимодействия позволяет нам увидеть язык не как механический набор уровней, а как динамическую, самоорганизующуюся систему. Морфология и словообразование находятся в состоянии постоянного диалога, где каждое новое слово испытывает на себе давление грамматических норм, а каждая грамматическая категория черпает материал из бесконечного источника деривационных инноваций.

Абстрактные механизмы взаимодействия морфологии и словообразования работают в условиях стремительно меняющейся реальности XXI века. Современный русский язык переживает период интенсивной трансформации, вызванной как внешними факторами (глобализация, цифровизация), так и внутренними законами развития системы. В центре этих процессов находится имя существительное — наиболее динамичная часть речи, которая принимает на себя основной удар неологического бума. Практический анализ инноваций позволяет выявить живые точки соприкосновения уровней и проследить, как система «переваривает» новые структуры. Одной из наиболее ярких тенденций современности является морфологическая адаптация иноязычных заимствований. Процесс вхождения англицизмов в русскую речь («стримить», «постить», «кринж», «вайб») представляет собой классический пример межуровневого синтеза. Когда заимствованная основа попадает в русский язык, она лишена морфологических признаков. Однако словообразовательный потенциал системы немедленно «атакует» эту основу. Существительное «хайп» мгновенно получает категорию мужского рода, второго склонения и включается в полную парадигму падежей. Более того, оно становится производящей базой для глаголов («хайповать») и прилагательных («хайповый»). Здесь взаимодействие уровней проявляется в «насильственной» русификации: морфология навязывает чужеродному корню свои правила, заставляя его подчиняться законам флективного строя. Критический анализ идей М. А. Кронгауза о «лингвистическом беспокойстве» позволяет увидеть в этом процессе борьбу за системную стабильность. Морфология выступает в роли стабилизатора: она стремится минимизировать уникальность нового слова, встраивая его в уже существующие, проверенные временем словообразовательные модели. Если слово «блогер» образовано по модели «суффикс -ер-», система автоматически приписывает ему все морфологические

свойства одушевленного существительного мужского рода. Это доказывает, что словообразование является «входными воротами» в грамматику: как только слово проходит через деривационный фильтр, оно получает готовый пакет морфологических настроек⁴.

Особого внимания заслуживает феномен аналитизма в словообразовании. Появление огромного количества сложных слов с неизменяемым первым компонентом («онлайн-сервис», «фитнес-клуб», «веб-дизайн») бросает вызов традиционной русской морфологии. В этих конструкциях первая часть слова ведет себя как аналитическая морфема — она не склоняется и не согласуется. Это свидетельствует о том, что современные словообразовательные процессы начинают менять морфологический облик русского слова, привнося в него элементы, характерные для языков изолирующего типа. Взаимодействие уровней здесь носит характер компромисса: морфология сохраняет за вторым компонентом право на изменение, но соглашается на «застывшую» форму первого. Это ведет к усложнению системы и появлению новых типов парадигм, что требует пересмотра классических учебных дефиниций.

Не менее значимым является процесс «грамматикализации» социальных изменений, проявляющийся в дискуссиях о феминитивах. Появление слов типа «авторка», «редакторка», «психологиня» — это не только лексический, но и глубоко морфологический процесс. Здесь словообразование вступает в конфликт с традиционной категорией рода. В русском языке мужской род профессиональных номинаций долгое время выполнял функцию общего рода («врач пришла»). Новые дериваты требуют строгого морфологического согласования по женскому роду («авторка написала»). Этот процесс демонстрирует, как идеологическая потребность в уточненной номинации пола заставляет морфологию «вскрывать» свои резервы и создавать новые ячейки в системе согласования. Взаимодействие уровней здесь превращается в поле борьбы между языковой нормой и живой речевой практикой. Практическое исследование также выявляет роль словообразования в управлении парадигмой числа. Анализ существительных-неологизмов, обозначающих абстрактные процессы («цифровизация», «монетизация», «экологизация»), подтверждает теоретический тезис о том, что суффикс определяет грамматический объем слова. Эти дериваты, обладая значением опредмеченного действия, морфологически заблокированы для формы множественного числа. Словообразовательная семантика «утяжеляет» основу настолько, что морфология не может применить к ней стандартную операцию плюрализации. Напротив, в сфере сленга мы видим обратный процесс: сокращение слов («деп»

⁴ Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Языки славянских культур, 2008. — С. 142.

вместо «департамент») упрощает морфологическую адаптацию, делая слово более мобильным в речи.

Интересным аспектом взаимодействия является «нулевое словообразование» в современной медиасреде. Переход из одной части речи в другую без добавления аффиксов (например, превращение наречий или междометий в существительные: «главное — это наше сейчас») показывает, что сама морфологическая парадигма может выступать в роли словообразовательного средства. Когда слово «сейчас» начинает склоняться, оно становится существительным. Это высшая форма взаимодействия, где уровни не просто сотрудничают, а замещают друг друга: грамматическая форма становится способом создания нового смысла. Взаимодействие морфологии и словообразования в современном русском языке находится в состоянии динамического напряжения. Словообразование выступает как инноватор, постоянно предлагая системе новые формы и способы связи. Морфология же играет роль консервативного цензора, который либо адаптирует инновацию к существующим правилам, либо, под мощным давлением речевой практики, начинает медленно менять свои собственные границы. Жизнеспособность языка зависит от слаженности работы этих двух уровней. Словообразование дает языку возможность называть мир, а морфология — возможность говорить об этом мире связно. Изучение их взаимодействия на примере современных текстов, интернета и живой разговорной речи позволяет лингвистам не только фиксировать изменения, но и прогнозировать пути развития русского языка в будущем.

Список использованной литературы:

1. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — М.: Высшая школа, 1986. — 640 с.
2. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 328 с.
3. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. — М.: Наука, 1981. — 200 с.
4. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. Ю. Шведова (гл. Ред.). — М.: Наука, 1980. — 783 с.
5. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. — М.: Изд-во МГУ, 1968. — 310 с.